

М. И. Билалов

Аксиологические основания евразийской идентичности Юга России в глобальной перспективе

Mustafa I. Bilalov

The axiological bases of the Eurasian identity of the South of Russia in global perspective

В статье рассмотрены аксиологические основания евразийской идентичности Юга России как методологически продуктивный ход для осмысления цивилизационных перспектив Евразии, поскольку регион воспринимается как микромодель данного геополитического пространства. Выявлены особые системообразующие ценности, лежащие в основе евразийской идентичности региона и имеющие перспективу в геополитическом будущем России и Евразии. Осмыслению цивилизационной идентичности Юга России способствуют хронологические этапы конкретной духовной атмосферы, создавшейся вокруг него политическими и идеологическими тенденциями истории. Исходя из принципа единства исторического и логического, автор полагает, что аксиологические основания евразийской идентичности Юга России в его многослойной культуре состоят как из этнических ценностей, находящих свое воплощение в культурных символах, так и из религиозных норм, образовавших поздний слой культуры и прошедших затем своеобразную этнизацию в процессе формирования региональной идентичности.

Рассмотренные и конкретизированные в статье политические, нравственные и гносеологические идеалы и нормы в системе евразийских ценностей Юга России могут быть отнесены к числу фундаментальных, образующих глобализационные стыки Запада и Востока. По мнению автора, евразийская идентичность народов Юга России устремлена на соединение альтернативных ценностей, которые могут рассматриваться не только как фактор консолидации народов соответствующего постсоветского пространства, но и как основа для межцивилизационного и межкультурного диалога. Результат такого диалога и полилога должен привести к коренному изменению категоричных ценностных противоположностей, к трансформации норм, обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития, в первую очередь фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консоциальной (сообще-

ственной) демократии и др. И здесь приемлемы и эффективны евразийские ценности, в формирование которых свой вклад внесли исторические и этнические традиции региона Юга России.

Ключевые слова: Юг России; евразийская идентичность; ценности; этногенез; регионогенез; ислам; православие; цивилизация.

In the article are the axiological bases of the Eurasian identity of the South of Russia as methodologically productive course for judgment of civilization prospects of Eurasia as the region is perceived as a micromodel of this geopolitical space. The special backbone values which are the cornerstone of the Eurasian identity of the region and having a perspective in the geopolitical future of Russia and Eurasia are revealed. The judgment of civilization identity of the South of Russia is promoted by chronological stages of the concrete spiritual atmosphere created around it by the political and ideological trends of history. Proceeding from the principle of unity historically and logically, the author believes that the axiological bases of the Eurasian identity of the South of Russia in its multilayered culture consist of the ethnic values finding the embodiment in cultural symbols and of the religious norms which formed a late layer of culture and passed then a peculiar ethnical progress in the course of the formation of a regional identity.

The political, moral and gnoseological ideals and norms considered and concretized in this article in the system of the Eurasian values of the South of Russia can be carried to a number of fundamentals, forming globalization joints of the West and East. In the opinion of the author, the Eurasian identity of the people of the South of Russia is directed in connection with the alternative values which can be considered not only as a factor of consolidation of the people of the respective former Soviet Union states, but also as a basis for inter-civilization and cross-cultural dialogue. The result of such dialogue and a polylogue has to lead to a basic change of categorical valuable contrasts, to a transformation, first of all, of the fundamental ideals serving the globalized spheres of human community of norms; which are freedoms, the rights of the individual and society, target and valuable rationality, liberal and constitutional democracy, etc. And here the Eurasian values in whose formation the contribution was made by historical and ethnic traditions of the region of the South of Russia are acceptable and effective.

Keywords: South of Russia; Eurasian identity; values; ethnogenesis; regionogenesis; Islam; Orthodox.

Юг России как микромодель Евразии

Географический объект исследования данной статьи предстает как территория России между Черным и Каспийским морями как южная граница РФ. Эта территория образует один из регионов в огромном пространстве страны со своей экономической, социальной и культурной особенностью – Юг России. «Юг России – это не синоним, не второе название Южного федерального округа, а целостная, складывающаяся начиная с 16 века социально-экономико-культурная система, итог освоения русской культурой степного Предкавказья, её последующего взаимодействия с северокавказскими этнокультурными комплексами, иными сопредельными этносами, культурами, «центрами силы» [16, с. 17]. Выявляя геополитические координаты Юга России, надо указать на то, что он примечателен как пересечение

нескольких цивилизаций. История человечества распорядилась так, что этот географический регион стал одним из эпицентров мировых культурных потоков.

Цель статьи – рассмотрение аксиологических оснований евразийской идентичности Юга России – методологически продуктивный ход, поскольку «и демографически, и экономически, и в социокультурном отношении – это микромодель Евразии» [16, с. 36]. Выявление системы особых ценностей, лежащих в основе евразийской идентичности региона, которая предстает как ключ к осмыслению евразийской идеологии вообще, нами уже осуществлено в предшествующих публикациях [12, 13]. Задачи данной статьи несколько иные – показать читателям нового журнала «Проблемы цивилизационного развития» перспективность региональных ценностей в геополитическом будущем России и Евразии.

Устоявшееся понимание евразийства как доктрины вполне позволяет судить о нем и как о специфической аксиологической системе. Ведь концептуальная разработка евразийской доктрины основана на обобщении исторических традиций, норм и идеалов народов, населяющих соответствующее геополитическое пространство. Потому можно рассуждать об определенной системе преимущественно этнокультурных и религиозных ценностей, предстающих как источник аксиологических императивов. В последние десятилетия эта система достаточно дополнилась и обновилась и данная доктрина может рассматриваться как вариант неоевразийства.

Теоретический понятийный аппарат этой системы, имевший в целом неоднородные истоки, состоит из объединения и обобщения идей и постулатов различных учений, в той или иной подробности изложен у его основоположников. Есть множество обобщений и комментариев их взглядов. Так, например, Е. Романова [25] излагает специфику этнополитического учения Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексева, Г. В. Вернадского, К. А. Чхеидзе и других через осмысление его основных понятийных терминов – «месторазвитие», высокая религиозность, этнополитика рассматривает географические, климатические, почвенные и иные особенности евразийского геополитического пространства.

Сегодня в российском гуманитарном познании стало общим местом утверждение, что «евразийство как зрелое течение русской общественной мысли стало одной из самых мощных концептуальных стратегий поиска цивилизационной идентичности русского мира и культуры» [17, с. 196]. В этой ситуации, несмотря на многозначность терминов «идентичность» и «цивилизация», на наш взгляд, важно провести исследование по осмыслению психологии, мировоззрения, общественно-политического устройства, типа культуры и т. п. народов, населяющих Южный регион России, поскольку он является достаточно значимым маркером культурной иден-

тичности России в целом. Это, безусловно, связано с ее принадлежностью евразийскому этнографическому миру, занимающему срединное пространство Азии и Европы. Это – огромное геополитическое пространство, в котором Россия занимает особое и значительное место, и, если воспользоваться естественнонаучным языком, это пространство неизотропно и неоднородно. В нем есть локальные подпространства, характеризующиеся специфическими топологическими свойствами – разграничениями, соседствами, окружениями. Сложная структурированность евразийского пространства предполагает разные по степени интенсивности смешения этнических и религиозных культур. Юг России в этом отношении предстает особым по насыщенности совокупным межнациональным ответом на вызовы истории. На этом геополитическом пространстве от Черного до Каспийского моря веками формировалась уникальная культурная целостность, которая выступает «соединительным рубежом народов и цивилизаций, внутренним мостом евразийского мира» [14, с. 35].

На эту мощь исторических традиций, на их неисчерпаемость на Кавказе, придающем особый колорит Югу, обращал внимание исследователей Ю. А. Жданов. «На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов. Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества...» [19, с. 21].

Ценностные истоки регионогенеза на Юге России

Осмыслению цивилизационной идентичности Юга России способствуют хронологические этапы конкретной духовной атмосферы, создававшей вокруг него политическими и идеологическими тенденциями истории.

Тысячелетиями на территории Юга России происходил этногенез – ключевой маркер для осмысления его цивилизационной идентичности. История последнего тысячелетия свидетельствует о тесном взаимодействии в регионе славян и половцев, печенегов и татаро-монголов и других не столь многочисленных этносов. Славянская Русь, при поддержке Византии, несколько веков соперничала в регионе с печенегами и к рубежу X века впитала в свой культурный код их этнические компоненты тюркского, угро-финского сарматского происхождения. Последующие столетия обширные степи Юга России были территорией многочисленных половецких племен, обогативших этногенез региона культурными ценностями тюркоязычных племен кыпчакской группы огромной территории от Монголии до степей Причерноморья-Предкавказья. XIII–XIV века Юг России во власти Золотой Орды – одного из самых мощных государственных образований Европы и Азии того времени, в вассальной зависимости от которой были и русские земли. Государственная религия Золотой Орды – ислам, и сами ассимилировавшие в регионе – монго-

лы – также участвовали в этногенезе племен огромной территории. В результате длительных кросс-культурных процессов формируются тюркские народы – татары, башкиры, казахи, в том числе кавказские – ногайцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки и др. На стыке славянских, польских, литовских, ногайских этносов происходит этногенез южнороссийского казачества, которое в последующем под влиянием православия активно ассимилировалось с русским этносом.

Население Юга России в результате кросс-культурных процессов освоило ценности мировых религий – иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Так что содержательный духовный потенциал Юга России как части евразийской цивилизации носит многокачественный характер. Вообще, «культура – многослойный феномен. Поиск и нахождение искомой региональной идентичности должны производиться в той самой фундаментальной культуре, которую М. Т. Степанянец вслед за У. Мишлером и Д. Поллаком называет «толстой» [см.: 33]. Смысл этого понятия состоит в том, что основные атрибуты культуры по мере продвижения от ядра к периферии постепенно истончаются. Толстая культура носит фундаментальный характер: культурные смыслы укоренены в истории, глубоко заложены в общественных институтах и практиках. Толстая культура – дана. Она предшествует и формирует как институты, так и практики» [28, с. 9].

Задача усложняется тем, что толстая культура и ее периферия зачастую неоднородны. Дело в том, что для изучаемого региона, как и для всего российского общества, характерна культурная многослойность – взаимодействие четырех ярко выраженных типов культуры. По мнению А. Маршака, в российской культуре заметно заявляет о себе слой так называемых «традиционалистов», ностальгирующих по культуре советского периода. Противостоят ему носители «либеральных взглядов». Активно проявляет себя в идейно-политической и духовной жизни общества консерватизм, особое место занимает религиозная культура [22, с. 153–154]. Мы не считаем такую конкретизацию многослойности российской культуры единственно точной, но соглашаемся с предлагаемой гипотезой как вполне приемлемой методологической установкой.

Поликонфессиональность региона обуславливается геополитическими координатами Юга России как местом пересечения нескольких цивилизаций. Христианская цивилизация имела в регионе своих агентов в лице проводников государственной религии Римской империи – Грузии и Армении. Другой вектор колонизации был направлен с Арабского Востока в виде исламизации Северного Кавказа со второй половины VII века, а затем, после XIV века, она усилилась татаро-монголами и турко-сельджуками. При всех трудностях распространения и противоречиях мусульманства с местной (языческой в основном) культурой к XVIII–XIX векам оно окрепло в регионе, подчинив себе основные массы северокавказских

народов, и как идеология дважды объединило их в повстанческих движениях шейха Мансура и имама Шамиля против Российского государства.

Мы исходим из того, что аксиологические основания евразийской идентичности Юга России в его многослойной культуре состоят, во-первых, из этнических ценностей, находящихся «свое воплощение в культурных символах и опосредующих специфику функционирования этнической идентичности» [24]. И, во-вторых, из религиозных ценностей, образовавших поздний слой культуры и прошедших затем своеобразную этнизацию в процессе формирования региональной идентичности.

Реальная многослойность культурной жизни порождает новую проблему в нашем исследовании. В этой связи встает вопрос, широко обсуждаемый в отечественном гуманитарном познании, о соотношении общероссийской (цивилизационной и гражданской) и локальной (этнической, региональной) идентичностей. Но оптимальный выход здесь – соблюдать баланс ценностей, «выстраивать концепцию национального согласия, гармонизировать права личности, с одной стороны, с правами этнических и политических сообществ – с другой» [27, 87]. Хотя нам представляется, что сторонников реализации консервативного проекта в культурно-цивилизационной сфере значительно больше и среди них много сторонников евразийства, обосновывающих его как геополитический проект России [см.: 1].

Веками, можно сказать, со времени своего появления, европейская цивилизация агрессивно, менторским тоном, навязывала свои ценности Востоку. С эпохи Нового времени Восток покорно подчинялся вестернизации, сциентизму и технологическому превосходству Европы, а затем и Северной Америки, породивших в конце концов глобальные проблемы современности. При этом, как верно подмечено, Запад вуалирует свои действия политикой отсталости периферии (объясненной в свое время теоретиком глобализации И. Валлерстайном) – «целенаправленной политикой стран ядра, пропагандирующих идеологию политической и рыночной свободы, но итогом глобальной политики оказываются их привилегированное положение и силовая защита такого статус-кво. В XXI веке в политическом и культурном плане мировой центр продолжает унифицировать периферию и полупериферию по евроцентристским лекалам..., игнорировать при решении геополитических задач интересы других регионов, объясняя это морально-правовыми принципами теории глобализации и необходимостью обеспечения устойчивого развития мировой цивилизации в целом» [30, с. 472]. Именно в этой незавидной участи полупериферии, обратившей свои надежды на прогресс на базе европейских и североамериканских ценностей, оказалась Российская Федерация, да и другие страны постсоветского пространства, после роспуска СССР.

Хотя, как мы неоднократно на то указывали, давно, в недрах самой современной европейской философии, в частности в постмодернизме, зрели идеи усиливающейся несостоятельности ключевых системообразующих культурных идеалов Запада и необходимости обращения к ценностям Востока. [см.: 5, 6, 7]. В этом смысле весьма актуально обращение к евразийству как перспективной системе ценностей. Мощным толчком к пересмотру и смене ориентира в российской политике в отношении западных социокультурных ценностей, на наш взгляд, явилась международная ситуация вокруг Украины, возникшая после путча 2014 года в этой стране. Многие исследователи усмотрели в ней новый геополитический поворот, необходимость дальнейшего пересмотра стратегического курса России и поиска своей цивилизационной идентичности в самобытной культуре [см.: 2].

Еще одна значимая для цели нашей статьи ремарка. Осмысление евразийской цивилизационной идентичности Юга России осуществляется в контексте современного многообразия ценностных противоречий и столкновения ключевых духовных идеалов культур Запада и Востока. Поэтому в статье мы акцентируем внимание на тех ценностях, которые предстают не только базовыми для культуры региона, но и цивилизационными, а также идеологообразующими – выражающими теорию, философию и методологию евразийского духа. Культивируемые в нем нормы и идеалы человеческого общежития сопоставимы по своим масштабам с европейскими и азиатскими ценностями. Некоторые из последних также являются универсальными для евразийских народов, но задача данного исследования – выявить общее как составляющее существо евразийского духа.

Этноконфессиональные ценности как евразийская идентичность

После такого схематического осмысления региональной и отчасти всей отечественной культуры как основания идентичности попробуем в ней вычленить и классифицировать политические, нравственные и гносеологические идеалы и нормы. В силу вышеизложенных соображений речь пойдет о глубинных слоях, фундаментальных духовных – этнических и религиозных – истоках народов, участвовавших, как было показано в предыдущем разделе, в регионогенезе. Особенностью евразийского геополитического пространства, в том числе и Юга России, предстает как религиозная, так и этническая близость наиболее крупных исторически населяющих общностей. Веками, еще до появления мировых религий, на Юге России складывались условия для формирования надэтнической структуры, обширной этносферы, способной претендовать на статус локальной цивилизации.

Мощное развитие эта структура получила в ключевой для Евразии интеграции – в исторической общности судьбы славянских и тюркских народов, о которой применительно ко всей России размышлял русский консервативный мыслитель К. Н. Леонтьев. Скептически относясь к славянофильству, философ предупреждал об опасности для России «либерального космополитизма» и усматривал национальные истоки русских в славяно-тюркском компоненте евразийства, который особо интенсивно складывался на Юге России – от Каспия до Черного моря.

Утверждения о тюркском субстрате евразийской цивилизации (который, кстати, нами не преувеличивается, в генетическом типе русского народа его, по мнению ученых, порядка 10% в этническом гомогенном целом русских) имеют немало своих сторонников и в современном российском общественном сознании. Но ведь этническая идентичность определяется не только ДНК-анализом, не только геномом, но преимущественно психологическими, ментальными, культурными маркерами нации, и тогда с учетом общего с другими евразийскими народами у русских процент «тюркскости» в несколько раз больше вышеуказанного. Одним из выводов круглого стола, состоявшегося в августе 2016 года в Санкт-Петербурге, явилось рассмотрение российской цивилизации «...с яркой славяно-тюркской составляющей. Россия может начать претендовать на лидерство в тюркском мире в не меньшей степени, чем Турция и Казахстан. У России самая большая территория расселения тюркского мира. У России множество республик с тюркским населением. У России созидательный, не утраченный опыт совместного жизнестроения славян с тюркскими и нетюркскими народами внутри страны. Россия в значительной степени тюркская страна. Именно сегодня Россия должна заявить о себе как о полноценном факторе в тюркском мире и прилегающих регионах. Она вполне способна стать важным актором, значительным субъектом в тюркском мире. Очень важно при этом развивать связи с соседними тюркскими странами и народами, особенно с Турцией и Казахстаном, имеющими большой авторитет и большое влияние в тюркском мире» [26, с. 44].

Тюркский субстрат евразийской цивилизации свою роль сыграл и в последующем, поскольку в рассмотрении духовной культуры как российских, так и многих евразийских народов следует исходить из того основного методологического требования, что «индоевропейская религия, морфологически и основными чертами похожа на религию тюрко-татар» [32, с. 353]. В ряде работ я попытался показать, что общность даже географически значительно отдаленных евразийских этносов демонстрируется таким исторически значимым явлением культуры, как суфизм [8, 9, 10]. Как традиционный для Поволжья, Средней Азии, Юга

России и других регионов ислам в его суфийской версии пронизывает всю культуру их народов и включает ряд содержательных элементов, которые можно трактовать в качестве неявной поддержки сближения культур и единения религий.

Суфийский субстрат привнесен на Юг России Северным Кавказом. «Это лишь 55% территории и 73% населения российского Юга, 65% от общей стоимости основных фондов по южно-российскому региону и т. д.». «Юг России в силу самой своей природы (как территориальное подразделение крупного цивилизационного образования) характеризуется и большим потенциалом саморазвития, повышенной устойчивостью к тенденциям самораспада и воздействиям внешней среды» [16, с. 14]. Хотя В. Е. Давидович усматривал реальные исторические основания для возведения культурной зоны Кавказа в ранг самостоятельной цивилизации безотносительно к вероисповеданию составляющих ее народов, в частности, из-за таких идентичных моментов национальной психологии, как свободолюбивый дух, горячность, признание авторитета старейшин, скрупулезное соблюдение этикетных норм [см.: 15], Юг России нам представляется надэтнической и надрелигиозной культурно-цивилизационной сферой, в которой веками идут тенденции кавказизации. Эта тенденция «многоаспектна, несводима лишь к демографической динамике. Тем не менее именно последняя видоизменяет ныне этнический и конфессиональный облик региона, усиливает его своеобразие (и проблемность) в составе России, предопределяет все возрастающую зависимость общерегиональных воспроизводственных процессов от ситуации на национальных территориях, в зонах интенсивных межэтнических контактов» [16, с. 30]. Соглашаясь с автором данного вывода, мы не отрицаем особого мироощущения горских народов Северного Кавказа, жизненного уклада, культурно-нравственных понятий. Задача статьи – обозначить те общие ценности, что лежат в основе евразийской идентичности.

Нужно заметить, что эти черты народов Юга России стали явственными в религиозной атмосфере, которая переняла эстафету сохранения и развития исконных этнокультурных ценностей. Мусульманские и православные ценности как составляющие евразийской идентичности веками переплетались не только с историческими этническими элементами, но и между собой. Однако синкретичность суфизма и ценностей евразийских народов, изначальное смешение и порой неорганичное соединение в них разнородных элементов, преобразованные заимствования из магии, древневосточных и античных культов и т. п. создают новые и уникальные условия для взаимодополнения и взаимопроникновения его с православием. И гносеологический иррационализм, и философско-богословский мистицизм, основанные на эмоциях, интуиции, бессознательном, неосознаваемом способе восприятия мира, как фундаментальные обретения суфизма – не только сущностные элементы евразийского духа, они зачастую предстают в качестве средства сближения этнических и религиозных

культур и Запада, и Востока. Не зря подмечено, что «мистицизм в рамках христианской и мусульманской культур выступает определенной концептуальной схемой, метакультурным ориентиром...» [3, с. 73].

С этими нормами и идеалами познания – мистицизмом, иррационализмом, интуитивизмом как гносеологическими ценностями гармонируют и определенные нравственные ориентиры соответствующих народов. Как известно, сами основоположники евразийской идеологии приоритет среди духовных ценностей отдавали религиозным ценностям, христианскому самопожертвованию, теплоте человеческих отношений, противопоставляя их антиподу иррациональности – бессердечной рациональности. Эти моральные принципы противостоят европейскому индивидуализму, веками культивируя у народов во всем евразийском пространстве коллективизм и братскую взаимопомощь как в производственном труде, так и в быту. И дело тут не в одном религиозном сознании. Верно подмечено, «сущность евразийской цивилизации заключается не в религии, культуре, государственности, хозяйственном укладе и географическом положении, а в системных связях всех указанных факторов» [23, с. 528]. Такие ценности, как умеренность, самоограничение, взаимопомощь, соборность, джамаатство и другие нравственные принципы, в евразийском пространстве родственны Востоку, они близки и суфизму, и ментальности кавказских этносов. Веками они культивируются и у славянских народов Юга России. Полагаем, что после эпохи всеобъемлющего кризиса Запада, исчерпывающего свои духовно-исторические потенции, наступает эпоха доминирования восточного и азиатского, а в перспективе, мирового духа, особым субъектом которого предстает евразийский мир. И духовно-культурные интенции Юга России весьма показательны в этом отношении.

Геополитическая значимость аксиологических оснований евразийской идентичности Юга России

Философское осмысление цивилизационной идентичности Юга России важно для становления адекватной и эффективной идеологии и политики региона. Их значимость в масштабах России в контексте этнонациональной идентичности была рассмотрена на заседании Совета при Президенте России по межнациональным отношениям 31 октября 2016 года в Астрахани, на котором под руководством Президента РФ В. В. Путина корректировался ход выполнения Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 года.

Идеология и политика как теоретически содержательные процессы строятся на определенной системе регулятивных норм и идеалов. В значительной степени эти процессы направляют познавательные способности

и достижения субъектов истории, которые аккумулируются в их познавательной культуре. Ставшая органической целостностью системная совокупность исторически специфических средств и приемов, методов и форм, традиций и новаций, идеалов и критериев, норм и предрассудков и т. п. элементов интеллектуального творчества индивидуального или коллективного субъекта, способов приобщения человека к результатам познания, социальным и культурным ценностям оказывается своеобразной методологией идеологии и политики. Содержательные составляющие познавательной культуры характеризуют как уровень и степень развития теоретической, научной деятельности, так и ненаучного, вненаучного, повседневного и обыденного познания, фиксируя определенный этап развития духовных творческих способностей личности или социума, обеспечивающих и обслуживающих не только их познавательное отношение к действительности, но и конкретную социокультурную и общественно-политическую функцию.

Рассмотрение культурно-цивилизационной идентичности народов в той или иной степени соотносится с такими основными элементами познавательной культуры, как творческие особенности менталитета, вера, традиции, культура мышления, научные и философские методологии. Доминирование в содержании познавательной культуры феномена веры позволяет говорить о мифологической, религиозной, научной и т. п. познавательной культуре. Если специфику познавательной культуры задает этнический менталитет, то мы имеем различные формы национальной, интернациональной (европейская, азиатская, американская и т. п.) познавательной культуры, можно говорить о процессе становления ее общепланетарного типа. Воздействие на познавательную культуру этнического и сакрального осуществляется не только через их основных представителей в ней – национальной психологии, веры, мистической интуиции, трансцендирования и т. п. Ведущим элементом содержания познавательной культуры предстают этнические и религиозные традиции, а также традиции познания.

Производимая нами в данной статье конкретизация ценностей евразийской идентичности Юга России в разных своих совокупностях может фиксироваться как те или иные роды, виды и типы познавательных культур, значимых, как было указано, для формирования идеологии и политики. В современном мире волны познавательных культур перемешались, правда, с разным преобладанием. На Востоке, в том числе и на российском, и даже в том же регионе Юга России, в частности в Дагестане, преобладают элементы предмодернистской, архаической познавательной культуры вперемежку с модернистскими тенденциями. Западная, европейская познавательная культура предстает как развитая постмодернистская ее стадия.

Какие же ценности образуют познавательные культуры Юга России? Как славянским, так и кавказским народам свойственны гносеологический иррацио-

нализм, философско-богословский мистицизм, интуитивизм, а также авторитаризм, коллективизм, гармония с природой, аскетическое самоограничение, опора на национальную культуру. В разной степени проявляются умеренность, самоограничение, взаимопомощь, соборность, джамаатство, свободолобивый дух, горячность, признание авторитета старейшин, скрупулезное соблюдение этикетных норм и другие нравственные принципы. На такой неоднородной совокупности ценностей трудно выстроиться какому-то целостному историческому типу познавательной культуры. И потому здесь, наряду с преобладанием предмодернистской, архаической познавательной культуры, проявляются модернистские тенденции, немало и постмодернистского. Если говорить о родах (по субъектам познания), с акцентом на творческие особенности менталитета, веру, традиции, культуру мышления, на научные и философские методологии, то в регионе имеет место доминирование этнонациональных, религиозных, научно-философских познавательных культур. Они также могут быть разбиты на различные виды – европейская, азиатская, христианская, мусульманская, метафизическая, диалектическая, синергетическая, постмодернистская (в методологическом плане) культура и др.

Общественная идеология, в основе которой должно лежать евразийство, должна строиться на нескольких ключевых идеалах, образующих «твердое ядро», если использовать терминологию видного методолога науки И. Лакатоса, автора концепции научно-исследовательских программ. Остальные ценности будут служить «защитным поясом», средством укрепления и оберегания ядра [см.: 21]. Ключевые идеалы должны заимствоваться из онтологической основы человеческой духовности – разума, творчества, воли, эмоций, морали, свободы, наследуемых поколениями как социокультурные коды, архетипы коллективного сознания. Кроме того, как выше отмечалось, они должны быть устойчивы в эпоху глобализации, поскольку предстают не только сущностными для культуры региона, но и глобализационными и цивилизационными, а также идеологообразующими – выражающими теорию, философию и методологию евразийского духа.

Одной из таких ценностей является понимание свободы. Как известно, она ныне предстает ценностью «раскола» между Востоком и Западом, проводит политический и идеологический водораздел между странами. Свобода в рамках либеральной демократии сопряжена с эгоизмом и предельным индивидуализмом и рационализмом, тогда как в менталитете евразийских народов она органична в единстве с подлинно человеческой духовностью, ответственностью. А если говорить словами Н. А. Бердяева, ответственностью «не только за свою судьбу и судьбу своих ближних, но и за судьбу своего народа, человечества и мира» [4, с. 444]. Эта свобода осмыслена не только коллективизмом – в ней сердцем ослаблена агрессия рационализма и сциентизма. Она не есть упрощенная свобода – познанная наукой необходимость,

а подключающая для своего культивирования, если можно так выразиться, «невысокомерные» (по сравнению с наукой) формы общественного сознания – мифологию, искусство, верования.

Такой подход к пониманию человеческой свободы соответствует, кстати, изменению другой ключевой, но уже гносеологической, ценности – самой рациональности. Евразийское толкование свободы допускает и стимулирует переход от классической целевой рациональности к ценностной, которая ныне может рассматриваться в противостоянии с классической рациональностью как иррациональность, хотя это собственно есть переход к новому типу рациональности – к постнеклассической – «как только наука начинает работать со сложными человекообразными объектами, меняется тип рациональности как компонент духовной матрицы техногенной культуры» [29, с. 353]. Эти изменения в науке, как выше отмечалось, осмысливаются также философами-постмодернистами и продвинутыми политиками Запада как необходимость пересматривать и политику, и ценности, приведшие саму европейскую культуру к кризису. Это в первую очередь глобализационные идеологообразующие ценности, нуждающиеся в новом теоретическом обосновании, – ценностная рациональность, свобода, права человека, мультикультурализм и др.

Гносеологический иррационализм и философско-богословский мистицизм, интуитивизм, характерные для евразийской идентичности, лежат в русле мировой тенденции человеческого духа – иррационализации, как тенденции глобализации. Эта тенденция сближает культуры Запада и Востока и имеет далеко идущие последствия во всех сферах деятельности людей. Как бы это ни казалось странным, рационализм и иррационализм обуславливают соперничество в другой паре ценностей – индивидуализм и коллективизм, особо значимых в идеологических конструкциях и политике. При этом теоретики либеральной демократии преподносят индивидуализм как естественное состояние человека, а коллективизм – как навязанную, неестественную жизненную позицию, поскольку он противоречит рациональности. Социализм, коллективизм, солидарность, делающие ставку на массовое движение и иррациональное, якобы несовместимы с рациональностью – таковы доводы апологетов либерального гражданского общества, представляющих его как систему, разумно функционирующую благодаря не столько рациональным действиям руководителей государства, сколько рациональным действиям составляющих общество индивидов. Выходит, что рационалистический и иррационалистический подходы к миропониманию порождают также весьма заметные различия в выборе стратегий цивилизационного развития.

Россия (в том числе Северный Кавказ и Юг России в целом) входит в цивилизационное образование, в котором, по мнению некоторых исследователей, «ценностные ориентации... всегда преобладают над целевыми, поэтому западная рациональность отсутствует... коллективность, в том чис-

ле этничность (а не западный национально-государственный подход), здесь является органичной, преобладание мировоззренческих подходов над научно-технологическими – безусловным» [см.: 31, с. 492–493].

Об идеологической и политической перспективности новой ценностной рациональности как иррациональности уместно говорить и в связи со следующими обстоятельствами. Как известно, различие типов мышления связано и с функциональной асимметрией головного мозга. Для так называемого левополушарного мышления свойственно расчлененное, последовательное, логичное мышление, которое упорядочивает, структурирует, классифицирует, идентифицирует информацию. Правополушарное мышление оперирует целостными образами, невербально репрезентирует информацию. С точки зрения современных стандартов и стереотипов познавательной культуры правополушарное мышление, как правило, характеризуется как алогичное, иррациональное. Как известно, этим мышлением обладает подавляющее большинство неевропейских народов. Следовательно, тенденция иррационализации человеческой деятельности в мировом масштабе объяснима и быстрым преобладающим ростом «правополушарного» населения планеты. Добавим к этому все более активное вовлечение в науку и образование, во все, что связано с познавательной культурой, женской половины человечества со своим феминным стереотипом мышления. Этот тип мышления в противовес активно-творческому маскулинному, будучи репродуктивным, пассивным, телесным, чувственным, обладает, как известно, и другими параметрами правополушарного мышления.

Юг России наглядно демонстрирует: евразийство как социально-философское учение предлагает новый диалог и полилог взамен прошлому и нынешнему. Хорошо известно, ныне реальный диалог протекает в режиме открытого или скрытого навязывания ценностей Запада и Востока друг другу. Ненасильственный диалог не должен даже сводиться к простому отстаиванию своей позиции и взглядов, требуя при этом толерантности к другим. Радикального изменения характера традиционного диалога требуют новые пространственно-временные факторы коммуникации людей – проблема диалога мировоззрений на уровне макромира превратилась в проблему повсеместного толерантного существования современного номада с людьми противоположной мироорганизации. В этих условиях толерантность в структуре диалогических отношений, во всем коммуникативном пространстве должна быть результативной, способом прислушивания к позиции чужого, совершенствования своего понимания и подхода.

Культивирование такого диалога и такой толерантности – значимый способ в противодействии радикально-экстремистским проявлениям, которые достаточно интенсивно обнаружили себя на Юге России. Результат такого диалога и полилога должен привести к коренному изменению катего-

ричных ценностных противоположностей, к трансформации обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития ценностей в первую очередь фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консоциальной демократии и др. И здесь приемлемы, более того, эффективны, евразийские ценности, в формирование которых свой вклад внесли исторические и этнические традиции региона Юга России.

Новый рационализм нацелен на диалог и полилог цивилизаций, умение быть толерантным и воспринимать позицию оппонентов. Он должен содействовать сближению в первую очередь Запада и Востока. Примечательно и важно то, что это сближение осуществляется не столько под напором иррационализирующей духовность Востока, но именно поворотом самого Запада к новому рационализму. Диалогика оборачивается полилогикой, когда новые формы взаимосвязи сопровождаются без оглядки на всякие «центризмы» (европоцентризм, востокоцентризм и др.), на встречных движениях культур.

Основные выводы

Рассмотренные и конкретизированные нами политические, нравственные и гносеологические идеалы и нормы в системе евразийских ценностей Юга России могут быть отнесены к числу фундаментальных, образующих глобализационные стыки Запада и Востока. Российская цивилизация на основе культуры рассматриваемого нами региона, расположенного на пересечении Севера и Юга, Востока и Запада, христианства, мусульманства и буддизма, получает мощный импульс для евразийской стратегии поиска цивилизационной идентичности своей культуры. Сегодня все больше философов, политологов и политиков склонны к концептуальному обоснованию евразийского курса России как во внутренней, так и во внешней политике.

Однако эти идеи, вполне близкие большинству россиян, многим не по нраву. В Интернете, и не только в Интернете, встречается множество статей, объявляющих теории идейных предшественников и основоположников евразийства Данилевского, Трубецкого, Гумилёва и других лженаучными. Особое неприятие вызывает тезис о происхождении великорусского этноса как этнического симбиоза Руси с народами Великой степи, как «смеси славян, угро-финнов, аланов и тюрков», органичного соединения в себе и европейского, и азиатского, как самостоятельной цивилизации. Особую неприязнь вызывают евразийство как «идеология Кремля», «иррациональная политика кнута и пряника в отношении Украины и Белоруссии» и т. д. «Евроазиатский курс – это тупик. Будущее России в союзе с Западом, Россия – европейская страна» [18]. Вопреки подобным оппонентам, начиная с

90-х годов XX века в России евразийство возрождается как в теории (социально философские исследования А. Г. Дугина, А. В. Логинова, С. И. Данилова, А. С. Панарина, И. А. Исаева и др.), так и на практике, как идейно-политическое движение (Союзное государство Беларуси и России), Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество, зона свободной торговли СНГ (ЗСТ) и др. И, как верно подмечено, «обнадеживает общность высших гуманитарных ценностей, от которых непосредственно зависит политическая культура субъектов интеграции» [20, с. 39]. Наше исследование конкретизировало эти ценности в их евразийской системе.

Евразийские ценности народов Юга России устремлены на соединение альтернативных ценностей и потому могут рассматриваться не только как фактор консолидации народов соответствующего постсоветского пространства, но и как основа для межцивилизационного и межкультурного диалога. Наше исследование показывает, что указанные ценности не только характеризуют специфические черты региона, но и предстают как черты, общие для всей евразийской цивилизации. Наиболее общий вывод, который можно сделать из всего содержания статьи, состоит в следующем. Деятельность государственных и негосударственных структур гражданского общества в своей практике нациестроительства должна основываться на коммунистических идеалах, принципах и нормах консоциальной (сообщественной) демократии, в которой права этноса и нации превалируют над правами и свободами личности. Не гипертрофирование идеи свободы, не гипертрофирование идеи равенства, но акцент на достижение братства между людьми и народами.

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета.

367001, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Лёвина, д. 31-а.

Mustafa I. Bilalov – Sc.D. in Philosophy, professor, head of the chair of ontology and theory of knowledge of the Dagestan State University.

367001, 31-a Levina Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.

mibil@mail.ru

Список литературы

1. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В.* Метафизика и геополитика российской цивилизации // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3. С. 15–23.
2. *Аксюмов Б. В.* О цивилизационной идентичности России в новых геополитических условиях // Научная мысль Кавказа. № 2. 2014. С. 33–37.
3. *Баранец А. А.* Транс-феномен мистицизма как культурный фенотип в христианстве и исламе // Христианство и культура. К 2000-летию христианства. Часть II. Астрахань. 2000.

4. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого / вступ. ст. и сост. В. Н. Калужного. М. 2003. С. 341–498.
5. Билалов М. И. Базовые ценности русского духа и северокавказских этносов // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 399–406.
6. Билалов М. И. Векторы становления и осмысления российского самосознания (обзор конференции) // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 204–210.
7. Билалов М. И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, вырази-мость.-Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. 376 с.
8. Билалов М. И. Примордиализм и конструктивизм в исследовании этниче-ских процессов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2014. № 5. С. 157–161.
9. Билалов М. И. От единичного и уникального до всеобщего и универсально-го // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 90–99.
10. Билалов М. И. Методологические императивы осмысления евразийского со-циокультурного пространства // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Националь-ная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. Минск: Белорусская наука, 2017. С. 487–488.
11. Билалов М. И. Этнокультурные императивы методологии теории нациоге-неза/Материалы всероссийской научной конференции «Философия и прак-тика этнического многообразия и единства России» / под ред. М. И. Билало-ва. Махачкала: ООО РА «Маг», 2017. С. 40–49.
12. Билалов М. И. Политические, этические и гносеологические идеологообра-зующие евразийские ценности народов Юга России // Научная мысль Кавказа. 2018. № 3. С. 15–23.
13. Билалов М. И. Евразийская цивилизационная идентичность Юга России // Цивилизационные исследования на Юге России: монография / Г. В. Драч, Т. С. Паниотова, В. Н. Бадмаев и др.; Южный федеральный университет; отв. ред. Г. В. Драч. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного феде-рального университета, 2018. С. 108–145.
14. Горшков М. К. Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. Научное издание / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 27–37.
15. Давидович В. Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский центр высшей школы. 2000. № 2. С. 28–30.
16. Дружинин А. Г. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-геогра-фические аспекты). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2005. 279 с.
17. Дымченко М. Е. Концепция пассионарности Л. Н. Гумилева в евразийском контексте // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 195–198.
18. Евразийство – государственная идеология путинской России. URL: <https://newsland.com/user/4297767027/content/evraziistvo-gosudarstvennaia-ideologiiia-putinskoi-rossii/4426513> (дата обращения 17 мая 2018).
19. Жданов Ю. А. Во имя гуманизма и единения России (обращение Ю. А. Жданова к научной, культурной, политической и деловой элите Юга России) // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 20–22.
20. Лазаревич А. А. Евразийская интеграция в зеркале национального самосо-знания // Проблемы российского самосознания: историческая память наро-да. Материалы 12-й Всероссийской конференции / под общ. ред.

- С. А. Никольского, М. И. Билалова. Москва–Махачкала, апрель 2015 г. М.: Махачкала: Дельта-пресс, 2015. С. 32–42.
21. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. <http://scorcher.ru/art/theory/any/lacatosh.php> (дата обращения 25 июля 2019).
 22. *Маршак А. Л.* Социокультурная идентичность: ценности, смыслы и содержания // Гуманитарий Юга России. № 2. 2014. С. 152–155.
 23. *Осинский И. И.* Евразийство как философская проблема // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 528–529.
 24. *Попова С. В.* Аксиологические основания этнической идентичности // https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3877 (дата обращения 22 июля 2019 г.).
 25. *Романова Е. В.* Особенности этнополитического учения основоположников евразийства // <http://textarchive.ru/c-1381173.html> (дата обращения 17 мая 2018).
 26. *Руцин Д. А.* Славяно-тюркские связи: история и современность // Вестник РФО. № 1 (81). 2017. С. 43–45.
 27. *Синеокая Ю. В.* Проблемы программирования российской гражданской идентичности: ценностный аспект // Материалы всероссийской научной конференции «Философия и практика этнического многообразия и единства России» / под. ред. М. И. Билалова. Махачкала: ООО РА «Маг», 2017. 584с. С. 78–87.
 28. *Степанянц М. Т.* Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 3–13.
 29. *Стёпин В. С.* Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.] Минск: Беларуская навука, 2017. С. 352–353.
 30. *Тихонова В. А.* Глобализация и цивилизационная модернизация // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 471–472.
 31. *Федотова В. Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 546 с.
 32. *Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 400 с.
 33. On Culture, Thick and Thin: Toward a Neo-Cultural Synthesis. Ed. by W. Mishler and D. Pollack. URL: <http://pdffinder.net/On-Culture-Thick-and-Thin:-Toward-a-Neo-Cultural-Synthesis.html> (дата обращения 17 мая 2018).

References

1. Avksentev V. A., Aksyumov B. V. Metafizika i geopolitika rossijskoj civilizacii // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2015. № 3. S. 15–23.
2. Aksyumov B. V. O civilizacionnoj identichnosti Rossii v novyh geopoliticheskikh usloviyah // Nauchnaya mysl Kavkaza. № 2. 2014. S. 33–37.

3. Baranec A. A. Trans-fenomen misticizma kak kulturnyj fenotip v hristianstve i islame // Hristianstvo i kultura. K 2000-letiyu hristianstva. Chast II. Astrahan. 2000.
4. Berdyaev N. A. Ekzistencialnaya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo // Berdyaev N. A. Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo / Vstup. st. i ost. V. N. Kalyuzhnogo. M. 2003. S. 341–498.
5. Bilalov M. I. Bazovye cennosti russkogo duha i severokavkazskih etnosov // Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, resheniya: Nauchnoe izdanie/Pod obshch.red. R. G. Abdulatipova, A.-N.Z. Dibirova. Izdatelstvo «Aspekt Press». 2015. 399–406.
6. Bilalov M. I. Vektory stanovleniya i osmysleniya rossijskogo samosoznaniya (obzor konferencii) // Voprosy filosofii. 2015. № 11. S. 204–210.
7. Bilalov M. I. Postizhimost istiny: ulovimost, obyasnimost, vyrazimost-Mahachkala: GAU RD «Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo». 2017. 376 s.
8. Bilalov M. I. Primordializm i konstruktivizm v issledovanii etnicheskikh processov // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Obshchestvennye nauki. 2014. № 5. S. 157–161;
9. Bilalov M. I. Ot edinichnogo i unikalnogo do vseobshchego i universalnogo // Gumanitarnij Yuga Rossii. 2015. № 2. S. 90–99.
10. Bilalov M. I. Metodologicheskie imperativy osmysleniya evrazijskogo sociokulturnogo prostranstva // Nacionalnaya filosofiya v globalnom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa / Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut filosofii; redkol.: V. G. Gusakov (pred.) [i dr.]. Minsk: Belaruskaya navuka. 2017. S. 487–488.
11. Bilalov M. I. Etnokulturnye imperativy metodologii teorii naciogeneza// Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii «Filosofiya i praktika etnicheskogo mnogoobraziya i edinstva Rossii». / pod red. M. I. Bilalova. Mahachkala: OOO RA «Mag». 2017. S. 40–49.
12. Bilalov M. I. Politicheskie, eticheskie i gnoseologicheskie ideologobrazuyushchie evrazijskie cennosti narodov Yuga Rossii // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2018. № 3. S. 15–23.
13. Bilalov M. I. Evrazijskaya civilizacionnaya identichnost Yuga Rossii // Civilizacionnye issledovaniya na Yuge Rossii: monografiya / G. V. Drach, T. S. Paniotova, V. N. Badmaev i dr.; Yuzhnyj federalnyj universitet; otv. red. G. V. Drach. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta, 2018. S. 108–145.
14. Gorshkov M. K. Formirovanie obshcherossijskoj identichnosti: kontekst Rossijskogo Kavkaza // Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, resheniya. Nauchnoe izdanie / pod obshch. red. R. G. Abdulatipova, A.-N. Z. Dibirova. Izdatelstvo «Aspekt Press», 2015. S. 27–37.
15. Davidovich V. E. Sushchestvuet li kavkazskaya civilizaciya? // Nauchnaya mysl Kavkaza. Severo-Kavkazskij centr vysshej shkoly. 2000. № 2. S. 28–30.
16. Druzhinin A. G. Yug Rossii konca XX – nachala XXI v. (ekonomiko-geograficheskie aspekty). Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 2005. 279 s.
17. Dymchenko M. E. Konceptiya passionarnosti L. N. Gumileva v evrazijskom kontekste // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2012. № 2. S. 195–198.
18. Evraziystvo – gosudarstvennaya ideologiya putinskoj Rossii. // <https://newsland.com/user/4297767027/content/evraziystvo-gosudarstvennaia-ideologiya-putinskoj-rossii/4426513> (data obrashcheniya 17 maya 2018).
19. Zhdanov Yu. A. Vo imya gumanizma i edineniya Rossii (obrashchenie Yu. A. Zhdanova k nauchnoj, kulturnoj, politicheskoj i delovoj elite Yuga Rossii) //Gumanitarnij Yuga Rossii. 2012. № 1. S. 20–22.

20. Lazarevich A. A. Evrazijskaya integraciya v zerkale nacionalnogo samosoznaniya// Problemy rossijskogo samosoznaniya: istoricheskaya pamyat naroda. Materialy 12-j Vserossijskoj konferencii / Pod obshchej redakciej S. A. Nikolskogo, M. I. Bilalova. Moskva–Mahachkala, aprel 2015 g. M.: Mahachkala: Delta-press. 2015. S. 32–42.
21. Lakatos I. Falsifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skih programm.<http://scorcher.ru/art/theory/any/lacatosh.php> (data obrashcheniya 25 iyulya 2019).
22. Marshak A. L. Sociokulturnaya identichnost: cennosti, smysly i sodержaniya // Gumanitarij Yuga Rossii. № 2. 2014. S. 152–155.
23. Osinskij I. I. Evraziystvo kak filosofskaya problema//Nacionalnaya filosofiya v globalnom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa/ Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut filosofii; redkol.: V. G. Gusakov (pred.) [i dr.]. Minsk: Belaruskaya navuka. 2017. S. 528–529.
24. Popova S. V. Aksiologicheskie osnovaniya etnicheskoy identichnosti // https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3877 (data obrashcheniya 22 iyulya 2019 g.).
25. Romanova E. V. Osobennosti etnopoliticheskogo ucheniya osnovopolozhnikov evraziystva // <http://textarchive.ru/c-1381173.html> (data obrashcheniya 17 maya 2018).
26. Rushchin D. A. Slavyano-tyurkskie svyazi: istoriya i sovremennost // Vestnik RFO. № 1 (81). 2017. S. 43–45.
27. Sineokaya Yu. V. Problemy programmirovaniya rossijskoj grazhdanskoj identichnosti: cennostnyj aspekt // Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii «Filosofiya i praktika etnicheskogo mnogoobraziya i edinstva Rossii» / pod. red. M. I. Bilalova. Mahachkala: OOO RA «Mag». 2017. 584s. S. 78–87.
28. Stepanyanc M. T. Kultura kak garant rossijskoj bezopasnosti // Voprosy filosofii. 2012. № 1. S. 3–13.
29. Styopin V. S. Krizis sovremennoj civilizacii i problema ob"edinyayushchih cennostej// Nacionalnaya filosofiya v globalnom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa / Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut filosofii; redkol.: V. G. Gusakov (pred.) [i dr.] Minsk: Belaruskaya nauka. 2017. S. 352–353.
30. Tihonova V. A. Globalizaciya i civilizacionnaya modernizaciya // Nacionalnaya filosofiya v globalnom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa / Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut filosofii; redkol.: V. G. Gusakov (pred.) [i dr.]. Minsk: Belaruskaya nauka. 2017. S. 471–472.
31. Fedotova V. G. Horoshee obshchestvo. M.: Progress Tradiciya, 2005. 546 s.
32. Eliade M. Shamanizm. Arhaicheskie tekhniki ekstaza. Sofiya, 2000. 400 s.
33. On Culture, Thick and Thin: Toward a Neo-Cultural Synthesis. Ed. by W. Mishler and D. Pollack. URL: <http://pdffinder.net/On-Culture-Thick-and-Thin:-Toward-a-Neo-Cultural-Synthesis.html> (data obrashcheniya 17 maya 2018).